

Во всём мне хочется дойти
До самой сути,
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протёкших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Борис Пастернак

Матрёна

Случилось это летом 1917 года на Украине. День выдался очень жарким. Солнце не только грело, оно просто жарило всех, кто попадал под его лучи. Жарило оно и арбу с высокими бортами, которая медленно катилась по сухой пыльной просёлочной дороге мимо мельницы. Быками, запряжёнными в арбу, никто не управлял. Задумчиво брели они сами по себе, иногда спотыкаясь на неглубоких выбоинах на дороге. Вдруг быки остановились прямо напротив ворот мельницы.

Видимо, что-то им почудилось или запах свежего хлеба привлёк их внимание. Прошло немного времени, открылась калитка, из неё вышел мельник — хозяин дома. Он подошёл к арбе и заглянул в неё. В горле его пересохло, и голос, которым позвал свою жену, стал тихим, скрипучим. За высокими бортами на дне повозки лежали трое: мужчина, женщина и маленький ребёнок — девочка. Мужчина и женщина спали мёртвым сном, девочка была жива. От усталости и голода она нервно дремала, вздрагивая при каждом толчке повозки.

Мельник и его жена крепко стояли на ногах. Работа шла на лад, недостатка в своём хозяйстве не было.

Пожалели они кроху, взяли к себе на воспитание. Назвали её Матрёной. И стала девочка Шарко Матрёной Александровной.

По хозяйству мельник был середняком, но после Октябрьской революции 1917 года добровольно передал часть своего добра новому государству.

Время шло. Девочка росла. Достигнув самостоятельного возраста, уехала в город Харьков, где устроилась на работу в инструментальный цех механического завода.

Матрёнин двор

Там же, на заводе, Матрёна встретила молодого человека Валентина Чебукина и вышла за него замуж. Отца мужа звали Фома. Когда-то он был богат, но была у него слабость: любил употреблять крепкие напитки. Крепкие напитки источили его богатство. Остатки хозяйства пришлось продать. Но воспользоваться вырученными за продажу деньгами не пришлось. Брат его родной обокрал. Украл всё. Пришлось остаток жизни прожить в бедноте. Сын его Валентин, повзрослев, уехал в Харьков на заработки. В городе устроился на механический завод, где работала Матрёна.

В 1924 году в их семье родился сын Анатолий. Спустя два года — второй сын, Евгений. Отец братьев скоро ушёл из семьи и женился на другой женщине. И матери пришлось в нелёгкое время воспитывать одной двоих сыновей. Женщина была строгой, но справедливой.

Как-то вечером мать что-то шила, и не ладилась у неё работа. Швейная машинка не хотела исправно работать. А тут, как назло, дети разбаловались. Старший сын Толя ущипнул младшего Евгения, тот не выдержал и громко вскрикнул. Уставшая женщина потеряла терпение: схватила форменный ремень, с которым сын Евгений ходил в ремесленное училище, и несколько раз ударила пряжкой разбаловавшихся детей. Младшему пряжка попала плашмя. А Толе не повезло, пряжка застряла между

**Родители Евгения Валентиновича —
Шарко Матрёна Александровна
и Чебукин Валентин Фомич**

рёбер. Мать сильно испугалась. Плакала, ругала себя за такой поступок. Но обошлось только синяками.

Однажды мать собралась за покупками в магазин. Деньги она прятала в гардеробе под постельным бельём. Полезла она в шкаф, а денег нет. Двадцать пять рублей, отложенные на продукты, исчезли. Позвала сыновей. Те стали отказываться, говорят, не брали. Никто, кроме них, тайника не знал. Не поверила им мать.

Вспылила, схватила кочергу и отходила обоих. Прошло некоторое время. Полезла она в гардероб сменить постельное бельё на кровати. Развернула пододеяльник, а там лежат эти злосчастные двадцать пять рублей. Долго плакала Матрёна и просила прощения у детей.

Уроки музыки

Евгений, кроме ремесленного училища, посещал музыкальную школу. Обучался играть на скрипке, был лучшим учеником. Учитель музыки добился для него бесплатного посещения уроков. Он планировал после окончания школы отправить Чебукина на обучение в консерваторию. Но мечтам не суждено было сбыться.

Евгений был не только способным мальчиком, но и хитрым. Однажды на очередном уроке он заметил, как учитель спрашивает домашнее задание. Проигрываешь на отлично выученные три строчки нот — и всё. Учитель останавливает, хвалит, и учить полностью задание не надо. Можно проводить больше времени на улице, играть с ребятами.

Однажды, придя на очередной урок, Евгений увидел в классе незнакомую женщину. Оказалось, что её пригласили из консерватории по музыке для прослушивания учеников. Евгений, не подозревая о прослушивании, начал играть как обычно, первые строчки музыкального произведения. Проиграл. Остановился.

«Играй дальше», — сказал ему учитель. Но Евгений стоял растерянно. Учитель подумал, что ученик переволновался, и попросил сыграть другое произведение. И со вторым повторилось то же. И с третьим. Учитель догадался, в чём дело, вслух ничего не сказал. Поговорил с женщиной, сослался на нездоровье ученика.

После того как закрылась дверь и в классе, кроме учителя и ученика, никого не осталось, учитель музыки дал волю своим чувствам.

На следующий день горе-ученик пришёл в музыкальную школу вместе с матерью. Был долгий разговор. Спросили виновника события, хочет ли он продолжить учёбу. «Не хочу», — не задумываясь, ответил мальчуган.

И не то, что дворовые ребяташки не давали ему проходу, зимой кидались снежками, дразня: «На себе гроб несёт», — повлияло на такой ответ, а то, что тянуло парня к технике и спорту больше, чем к музыке. Брат его Толя тоже к технике относился по-особенному.

Фотоаппарат и турник

Как-то братья смастерили фотоаппарат из картона. В магазине фотоаппарат стоил дорого — восемь рублей, а заниматься фотографией очень хотелось. Вот и склеили

братья его из картона, вставили линзы. И фотографии получались неплохие.

Позже мать купила в подарок младшему сыну настоящий фотоаппарат из магазина.

Напротив дома, где они жили, строили метро. Немного дальше находился стадион. Ребятишки часто бегали на стадион смотреть на тренировки футболистов, гимнастов и других спортсменов. Насмотревшись, пробовали повторить у себя во дворах и в школе спортивные упражнения. Как-то на перемене крутились ребята у турника в спортзале. К ним подошёл молодой, спортивного вида, мужчина. Подозвал самого резвого парня, спросил, как зовут. «Женя». — «Хочешь заниматься гимнастикой?» И Евгений Чебукин начал заниматься спортивной гимнастикой. Очень часто на переменах в школе на перекладине юный спортсмен показывал друзьям, чему его научили в спортивной секции. Один раз пообещал показать, как делается гимнастический элемент «большой оборот» — вращение на триста шестьдесят градусов на вытянутых руках.

Турник находился близко к потолку. Чтобы сделать этот элемент, приходилось подгибать в коленях ноги. Но всё же зацепил потолок, руки не выдержали, пальцы разжались, и гимнаст рухнул на пол, повредив руку, на лбу вскочила большая шишка. Ребята не растерялись, помогли пострадавшему дойти до школьного врача. Врач обработал шишку, дал диагноз: ушиб головы и перелом предплечья. Написал направление в поликлинику. В поликлинике наложили гипс.

Восемнадцать дней — время, которое врач определил носить гипс и сидеть дома, — для пацана тянулись невозможно долго.

Придя в школу, Евгений решил взглянуть на место своего приземления. Посмотрел на пол, взглянул на злополучный турник. Не выдержал. Здоровой рукой зацепился за перекладину, руку в гипсе положил вдоль трубы. В это время мимо проходил школьный учитель.

Увидел попытки борьбы с турником, решил вмешаться. Пацан был выгнан из школы домой. Но дома ему не сиделось. Он взял лыжи и поехал кататься с горки. Но и там потерпел неудачу. Упал как раз на травмированную руку. Повезло. Гипс оказался целым, рука тоже в норме.

Поход на футбол

Тяжело перенёс Евгений больничное время. И вот он, долгожданный день снятия гипса. Гипс сняли в конце мая, а недели через три на стадионе состоялся матч харьковской команды с приехавшими из Турции футболистами. Очень хотелось посмотреть футбол.

Стадион охраняла конная милиция, и проскочить туда во время игры было невозможно. Но с утра милиции не было, стадион не охранялся. Местные ребята, набив карманы хлебом, незаметно проникли на стадион, залезли под трибуны и там ждали начала матча. И вот на поле вышла команда из крепко сложенных парней — гостей из Турции. У некоторых для устрашения соперника на правой ноге были повязки с изображением черепа. Черепа им не помогли. Харьковская команда была сильнее. Чего только стоил футболист Рябой. Он мог забить гол от своих ворот в ворота противника. Когда он пробивал пенальти, вратари покидали ворота, не пытаясь поймать мяч. Удар был настолько сильным, что однажды попытка вратаря остановить мяч, закончилась его госпитализацией. Его унесли из ворот на носилках.

Война, эвакуация, Красноярск

В 1940 году, окончив шесть классов, Евгений Чебукин поступил в ремесленное училище № 1. Практику от училища проходил в инструментальном цехе, где работала мать. Юноша быстро осваивал всё, чему учился. В свои

годы он уже умел на токарном станке делать такое, что было под силу только взрослым, опытным рабочим.

Наступил 1941 год. Началась Великая Отечественная война. Было воскресенье. В понедельник рабочие пришли на работу. Работали напряжённо, в основном молча. Впервые Евгений увидел немецкие самолёты с крыши дома, куда вместе с ребятами залез, игнорируя сирену. Из дома было видно, как в ясном небе двигались чёрные точки. Затем что-то отделилось от них и посыпалось на землю. Через некоторое время на окраинах города слышался гулкий тяжёлый удар. Воздух вздрогнул.

В начале войны отец позвал старшего сына Толю поехать вместе с ним в Новосибирск. Завод, где работал отец, эвакуировали в этот сибирский город. Мать отправила вместе с мужем обоих детей. Ехали в товарном вагоне, переделанном для перевозки людей. Поезд двигался медленно. В переполненном вагоне было душно.

На одном участке железной дороги послышался гул самолётов. Поезд остановился. Началась паника. Люди выпрыгивали из вагонов, толкая друг друга, и бежали в поле подальше от состава. А над ними кружились самолёты с крестами на крыльях. Самолёты сделали несколько кругов, помахали крыльями и скрылись за горизонтом.

Поезд остановился на станции Базаиха, и пассажиры его с удивлением узнали, что вместо Новосибирска их привезли в Красноярск. Отца с сыновьями поселили в бараке возле деревообрабатывающего комбината — ДОКа, в районе нынешней автобусной остановки «Каменный квартал».

На территории ДОКа строились новые цеха, куда устанавливали оборудование, привезённое из Харькова. Валентин и его сыновья в бараке прожили неделю. Переселили их сначала в пятиэтажный дом, находившийся в этом же районе, а затем переехали они в соседний шестиэтажный дом.

Лето прошло. Пролетела осень. Настала зима. Ударил морозы. Квартиры были оборудованы печками-

Первое жильё для рабочих завода имени К. Е. Ворошилова

буржуйками. Отапливались дровами. Но это было не последнее их местожительство. Отец работал в ДОКе механиком. И через некоторое время они переселились в деревянный дом на территории завода, но и там прожили недолго, вскоре перешли жить в двухкомнатную квартиру многоэтажки. Меньшую комнату занимали отец, два сына и приехавшая из Харькова вторая жена отца с дочками Аллой и Ниной. В большой комнате жила хозяйка квартиры с ребёнком. Морозы стояли за сорок градусов. Чтобы как-то согреться, в каждой комнате установили печки.

Начало трудового пути

Младший сын Евгений поступил в первое ремесленное училище, организованное на заводе «Красмаш». При заводе «Красмаш» имелось общежитие для рабочих. В это общежитие Евгений переехал на житьё.

На заводе в цехе к нему подошёл мастер и спросил, что он умеет делать. Пятнадцатилетний парень похвастался: «Могу резцом на токарном станке резьбу делать, могу резьбу многозаходную сделать». Мастер, переговорив с директором училища, определил молодого рабочего к механику Левдеку токарем.

В это время эвакуировали завод из Коломны Московской области. Станки устанавливали прямо на улице на территории завода, и они незамедлительно давали продукцию на фронт. Чтобы согреться в лютый мороз, рабочие жгли костры. Рядом быстрыми темпами строились тёплые корпуса, куда перевозили с улиц оборудование. Восемь месяцев проработал Чебукин у Левдека. Мужик умный, работающий.

Время военное, несмотря, что училище, дали учебному заведению специальный заказ: изготовить детали для автоматов. Партия большая. Требовалось за сутки сделать сто штук каждой детали. Для выполнения этого заказа Евгения перевели помощником к фрезеровщику Володе Солдатову. Через два дня юному фрезеровщику, ещё не полностью овладевшему премудростями новой профессии, выделили в помощь двух учеников. Работа шла плохо. Детали постоянно выворачивало, они даже вылетали из тисков. Особенно тяжело было изготавливать спусковые рычаги. Для решения этой задачи в помощь им направили мастера, эвакуированного недавно из Калуги, работавшего в должности начальника инструментального производства. Посмотрев на детали и технологический процесс изготовления, новый мастер понял, что нужно сделать. С молодым специалистом Евгением Чебукиным они обошли заводскую свалку, образованную из разных деталей, узлов, привезённых вместе с эвакуированными заводами. Подобрали необходимые детали. Изготовили из них приспособления, необходимые для выполнения заданного заказа. Работа пошла. Пусковых рычагов за сутки произвели сто штук. Мушки и ползки попроще. Их изготовили более ста штук.

Режущий инструмент фрезы делали сами здесь же, в цехе. Поначалу они не выдерживали такую нагрузку, часто выходили из строя, ломались. Выйти из этого трудного положения помог новый мастер участка. Он вспомнил, что, когда подростком работал на заводе в одном

цехе вместе с немецкими переселенцами, была такая же ситуация. В бригаде, в которой работал юноша, постоянно ломались фрезы. У бригады переселенцев из Германии фрезы резали металл, долго не тупились, не ломались. Свой секрет они скрывали от всех. Тут молодой рабочий проявил смекалку и подсмотрел, как немцы их изготавливают. Технологический процесс ничем не отличался, был как у всех. Разница оказалась в закалке. И закалка начиналась стандартно: брали отфрезерованную фрезу, нагревали до нужной температуры, а вот состав их охлаждающей жидкости состоял... из мочи. Немцы брали ведро, по очереди туда мочились, а затем приступали к закаливанию. Чебукин и мастер решили попробовать. И всё пошло как надо. Добились нужной твёрдости. Фрезы работали в два, а то и в три раза дольше прежнего.

Всё для фронта

Для выполнения плана работали без отдыха днём и ночью. Спали прямо на работе. Время военное, голодное. Чтобы хоть как-то накормить людей, на продукты выдавали карточки. На одну карточку можно было выкупить семьсот граммов хлеба, сахара, мяса. Картошку сажали где придётся, даже между домами на газонах. Отец, Валентин Чебукин, подсаживал её около «Бумстроя» (целлюлозно-бумажного комбината) на Каменном квартале. Многие жители Ленинского района разбивали поля на Кузнецовке, возле железнодорожной станции «Октябрьская».

Рабочим, задействованным на спецзаказе, организовали трёхразовое питание в столовой завода. Их кормили без очереди. В столовой работали две сестры-поварихи, эвакуированные из Ленинграда. Приглянулся им молодой парнишка Евгений. За разговорами выяснилось, что нуждаются они в замках на шкафчики. Юноша смастерил им замки, и с тех пор девчонки подкармливали молодого

специалиста: побольше положат мяска в тарелку под кашу и скажут официантам, кому отнести.

От суточных работ и рабочей грязи у Чебукина загноилась правая нога. Что только не делали, чем только не лечили — ничего не помогало. Все рекомендации врачей перепробовал парень, но ему становилось всё хуже и хуже. Врачебная комиссия посоветовалась и решила: если через неделю состояние не улучшится, ногу ампутировать.

В неприятных чувствах вернулся больной домой. Подумал: «Не отдам я ногу». Достал марганцовку, разбавил в тазу и через сильную боль промыл рану. На ночь ничем не мазал и не закрывал. На следующий день, утром, намочил газету в марганцовке, наложил на рану, замотал тряпкой и пошёл на работу. Вечером, придя с завода, повторил всё то, что делал вчера. И так всю неделю. Снова пришёл на комиссию. Врачи посмотрели, удивились состоянию раны. Нога почти выздоровела: остался лишь небольшой розовый шрам.

В это время забрали в основные цеха мастера из Калуги. Осталась бригада без опытного руководителя. Директор ремесленного училища, обсудив ситуацию с коллегами, назначил мастером участка Евгения Чебукина. Досталась Евгению бригада из девчат и ребят детдома, тридцать шесть человек. Из них шесть парней и тридцать девушек. Работа пошла, мягко говоря, не очень хорошо. Выработка составляла двадцать шесть процентов от заказа. Молодой мастер в свои шестнадцать лет хорошо запомнил и перенял опыт старшего учителя из Калуги, изучил детально технологический процесс нового заказа. Посмотрел, как работают рабочие на станках. В процессе работы очень часто ломались резцы из-за плохо закреплённых деталей в стандартных зажимных устройствах. Чебукин решил изготовить приспособления для лучшего закрепления деталей, и заказ — уровни для пушек — к концу месяца был выполнен на восемьдесят восемь процентов. В следующий месяц — на девяносто восемь

процентов. Бригада Чебукина едва не стала первой по токарному делу в ремесленном училище, но помешал случай. Как всегда, бригада пришла на смену в ночное время. Дежурная комендантша выказала неудовольствие тем, что уже начало смены, а станки не работают. На что юный мастер ответил: «Вначале надо станки настроить, установить резцы, а затем приступить к работе». И попросил её не мешать. Комендантша оскорбилась и пожаловалась директору училища. Директор вызвал Чебукина в кабинет и попросил извиниться. Евгений извиниться отказался и попросил перевести его обратно в цех, на привычное ему место. Директор согласился и дал команду перевести его в цех № 15. Но прошла неделя, вторая, третья, а замены ему в должности мастера нет. Чебукин на этот раз сам, без вызова, пришёл к директору училища и потребовал исполнения решения. На что ему ответили: «Поработай ещё недельку».

Через неделю всё же перевели его в цех № 15 фрезеровщиком. Мастера этого цеха звали Степан Смольнов. Он доверил Евгению фрезерный станок американского производства — «Нортон». «Нортон» мог выполнять работу как горизонтально, так и вертикально. Первое задание было выполнить на этом станке штамп. С работой новый фрезеровщик справился точно по чертежам.

А за воротами корпуса, где работал цех № 15, хозяйничала зима. Шёл 1942 год. Этой зимой ушёл на фронт отец. Валентин призвался в добровольческую Сталинскую бригаду артиллеристом. А сын лихо справлялся со своей работой в тылу. Но не забывал и токарное дело.

Было это в конце января. Надо было выточить на токарном станке втулки на трансмиссию цементному заводу. Втулки нужны были срочно для запуска оборудования. Эту работу поручили токарю шестого разряда Жучкову. Чебукина дали ему в помощники. Евгений подошёл, посмотрел, как старший товарищ справляется с работой. Разрезную втулку Жучков зажимает в четырёхкулачковый патрон и приступает к обработке. Чебукин

решил сделать по-своему. Изготовил целую гору деталей и, как обычно, на следующую смену пришёл на своё рабочее место. А его там встречает почти всё начальство: «Ты что наделал браку? Втулки, которые ты сделал, не годны». А вокруг токари подсмеиваются: «Фрезеровщик токарем быть не может».

Но, к удивлению всех собравшихся, Евгений отобрал несколько готовых деталей, спокойно сказал: «Это вот мои, а те оставшиеся — не мои». — «Как не твои? — удивились мастера и токари. — Как ты определил: твои — не твои?»

Чебукин взял одну втулку, отложенную в свою сторону, повертел в руках и показал на торце изделия выбитое клеймо. На остальных торцах втулок, изготовленных Евгением, были такие же клейма. Оказывается, находчивый парень все свои изделия пометил, чтобы не было путаницы. Затем юный фрезеровщик по очереди приложил готовые с клеймами изделия к контрольному валику. Все до одной оказалось выполнены без брака, размеры соответствовали данным чертежам. После все, кто был рядом, извинились и даже похвалили за качество и смекалку.

Зима 1942 года выдалась холодной. Цеха отапливались паром. Котельная работала в основном на дровах. С каждого цеха собирали бригады на заготовку дров. Рубкой леса занимались в деревне Сорокино. Хворост сжигали на месте, а стволы деревьев пилили на дрова и везли на завод. Рубщики леса жили несколько дней в одной из изб деревни. В такую бригаду зачислили и Чебукина. Отработав на лесозаготовке положенное время, бригада возвращалась домой. Сели на товарняк, идущий в сторону города. Проезжали мимо станции Енисей. И тут здоровый парень из бригады Юдин, бывший матрос, случайно задел стоп-кран. Состав остановился. Ребята, ехавшие в вагоне, сильно перепугались. Остановить состав в военное время считалось саботажем. А это тюрьма. Все, кто был в вагоне, попрыгали на землю. Надели походные

рюкзак — пусть думают, ребята из заповедника «Столыбы» идут. Всё обошлось. Дежурные поезда побегали, но ничего подозрительного не обнаружили. Поезд продолжил движение.

Хоть и шла война, но праздников никто не отменял. Трудно, голодно, но собирались друзья, отмечали праздничные события. На стол ставили картошку в мундирах, головку лука, репу, квашеную капусту, винегрет и бутель самогона. А что ещё надо?! Зато весело. Пели песни, танцевали.

В начале 1943 года призвали в армию брата Анатолия. Анатолию выдалось воевать на самолётах дальней авиации — тяжёлых бомбардировщиках, стрелком-радистом. Самолёты летали глубоко в немецкий тыл и сбрасывали в заданном районе смертоносные бомбы.

Ближе к лету 1943 года спецзаказ был выполнен. По этому поводу решили провести награждение в праздничной обстановке в только что отстроившемся новом здании ремесленного училища. Первое место с вручением почётной грамоты за выполнение спецзаказа присудили Евгению Чебукину. Занявшему второе место вручили в подарок шерстяные брюки.

Радости и печали сурового времени

В мае 1943 года напротив завода построили Дворец культуры. Здание получило имя — Дворец культуры имени 1 Мая.

Степан Смольнов был не только мастером цеха № 15, занимал он должность председателя ДСО «Зенит». В первых числах сентября 1943 года подошёл он к Чебукину и предложил заниматься в только что организовавшемся во Дворце кружке акробатики. Евгений согласился. Смольнов привёл молодого парня к руководителю акробатического кружка Фёдору Горюнову. Горюнов посмотрел на юнца, сказал: «Стойку в кистях сделаешь — возьму».

Вспомнилось гимнастическое прошлое. Раз — и стойка сделана. Так Евгений Чебукин связал свою дальнейшую жизнь с акробатикой. Первое выступление на сцене дворца состоялось седьмого ноября 1943 года.

В один из последних дней осени этого же года в цехе собрались мужики возле курилки и что-то обсуждали. Оказалось, посадили в тюрьму сына Левдека, механика училища. Сын его, смышлёный и изобретательный, смастерил пистолет. Решил продать. Пошёл на базар. Там его и арестовали, присудили срок, посадили в тюрьму. Из тюрьмы он сбежал и скрылся в торгашинских пещерах, где прятались дезертиры, бандиты, воры. Долго жить в пещерах преступникам не дали. На их поимку направили усиленный отряд милиции с поддержкой военных. Переловили всех и отправили в тюрьму. Левдека за поступки сына тоже арестовали и направили в колонию. Арестантов колонии водили на работу на «Бумстрой» (бумажный комбинат).

Сын Левдека не захотел отбывать свой срок в тюрьме. Подал прошение на фронт. Немного погодя прошение удовлетворили и зачислили в штрафбат. В составе штрафбата сын ушёл на фронт. Воевал он с доблестью. Войну закончил в орденах и медалях. Вернулся домой, а отец всё отбывал срок за сына в колонии. Долго сын топтал полы разного уровня кабинетов, доказывал, просил за отца, но только через два года после войны добился освобождения отца.

Уходили на фронт мужчины и не достигшие призывного возраста молодые ребята. Друг Чебукина Юрий Толстихин умудрился подделать в паспорте год рождения. Прибавил себе год. Сел на товарняк и уехал ближе к линии фронта, а там его зачислили в действующие войска и отправили воевать. Евгений тоже попытался попасть на войну. Пришёл в военкомат. Начальник коммандатуры долго разговаривать не стал. Открыл журнал. Нашёл данные молодого человека, посмотрел, где работает. Поднял глаза и грозно предупредил: «У тебя бронь».

Если будешь бегать проситься на фронт, в карцер посажу».

А на заводе начали делать новые зенитные установки В-11. На стволах зенитных установок промежуточные пружины на втулках при изготовлении перекашивались, втулки заклинивало, и они скачками шли по стволу. Выставляли торцы, но ничего не получалось. Из Москвы пришло письмо: не сделаете в установленные сроки — заберём заказ. Предложений для решения задачи было много, но все они не давали результата. Евгений Чебукин тоже предложил своё решение: точку, в которую давят пружины, сместить за счёт удлинения втулки на штоке. Попробовали — получилось. Так проблема была решена.

Позже, в 1990 году, выпустили книгу «Подвиг одного завода», автор — генерал-майор Борис Абрамович Хазанов, директор завода «Красмаш» в военные годы. В книге описывается, как конструкторы завода нашли причину недееспособности пушки, предложили техническое решение и запустили в производство. Вот выдержка из книги: «Ещё когда проходили испытания В-11, главный инженер завода Р. А. Турков принял смелое и ответственное решение. Совместно с главным технологом А. Г. Кочневым, начальником инструментального отдела Н. Н. Рудником начал подготовку производства и всего необходимого, чтобы она в случае положительных результатов сразу же пошла в серийное производство.

**Сухопутная автоматическая зенитка
образца 1939 года**

И действительно, выпуск новых зенитных установок начался без задержки».

При изготовлении различных деталей от их перегрева использовали эмульсию. Разводил завхоз цеха. Состояла жидкость из воды, мыла, соды. Один раз в ночную смену перестала из крана течь вода. На улице мороз минус шесть градусов, но производство остановить нельзя. Потом не догнать. Чебукин сказал: «Тащите ведро...»

Принесли ведро и по очереди наполнили его мочой. Затем разлили в лейки и поливали детали, пока в кранах вновь не появилась вода. Утром пришла смена на работу, а в цехе туман и какой-то специфический запах. Мастера смеются: «Чебукин придумал». План смена выполняла.

Цех № 15 был опытный. Бригада из пяти человек. Сделали охлаждающую установку на пушку. Поехали испытывать на полигон. Везли на бортовой машине. Пушка примёрзла к кузову. Коля Костионов полез на машину, чтобы сдвинуть её с места. Дёрнул пушку на себя. Она дрогнула и поползла к борту прямо на Колю. Коля не успел ничего сделать и был придавлен ею к борту. Повредил живот. После операции помер.

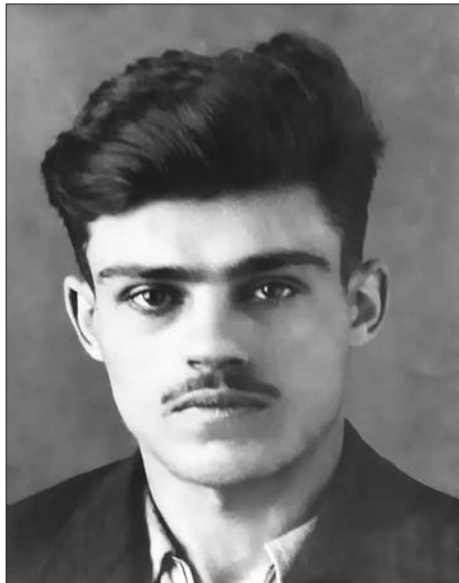
Каретки прицела пушки двигались по полочкам для наводки на самолёты. Чтобы изготовить каретки, требовались большие, трудоёмкие работы. Вначале фрезеровались с припуском, затем шлифовались. Чебукин подумал и сделал сам два диска. На них выфрезеровал паз. Зажал в виде фрезы победитовый клин. Попробовал фрезеровать. Каретки получились такими, как требовал технологический чертёж, без дополнительной шлифовки. Размеры и частота обработки — всё соответствовало установленному стандарту. Пришли посмотреть разные технологи, конструктора. Долго смотрели, обсуждали, спрашивали, что и как. Приняли решение оформить рацпредложение с названием «мерное фрезерование».

Запустили в работу шестьдесят штук до обеда с идеальной точностью — вместо двух штук в смену! Подумав,

руководство БРИЗ решило фиксировать разные рацпредложения в документах. За каждое предложение выплачивалось пятьсот рублей. Позже в Москве выпустили книгу по мерному фрезерованию, где были таблицы, указаны цифры, способы изготовления типовых деталей.

Шёл 1944 год. Чебукин получил известие от отца, в котором сообщалось, что отец лежит в госпитале в Новосибирске с тяжёлым ранением. Один осколок шрапнели пробил каску и застрял между головой и внутренней стенкой каски, оцарапав кожу на голове. Другой осколок пробил правую руку в месте сгиба локтя, повредив хрящ. После выздоровления рука плохо сгибалась в локте. Отец вернулся в Красноярск. Воевать больше он не мог. В это же время в освобождённый Харьков началось возвращение эвакуированных станков и оборудования. Валентин тоже поехал на свою родину помогать восстанавливать производство, механиком. Хотел взять с собой сына Евгения. Написал письмо директору завода № 4 имени К. Е. Ворошилова («Красмаш») Хазанову с просьбой вернуть сына домой. Но Хазанов отказал, сказав: «Не маленький, сам проживёт». Через два месяца пришло ещё одно письмо от отца сыну. Писал, что мать погибла на окопах. В оккупации для обороны немцы заставляли детей, женщин и стариков копать окопы, строить оборонительные сооружения. Характер у матери непокорный, она отказалась. Её прямо на окопах и расстреляли.

В том же 1944 году на завод № 4 имени К. Е. Ворошилова пришёл заказ на новую двухствольную пушку В-47 (спаренная зенитная пушка). Новый заказ — новые проблемы: взводишь ствол, ставишь на шептало, нажимаешь на педаль — идёт спуск. Снова повтор: ствол взводится, на шептало не становится. Евгений в это время работал на фрезерном станке. Он узнал о неприятностях на заводе. Решил помочь. Ознакомился с чертежами. Попробовал изменить размер ролика. Был диаметром сорок три миллиметра, а стал диаметром сорок шесть миллиметров. Нарисовал эскиз. Отдал токарю.

**Евгений Валентинович. Доска почёта
завода «Красмаш». 1949 год**

Пушку надо делать, какие тут выходные — заберут заказ. Токарь выточил два ролика по эскизу Чебукина. Закалили, попробовали — сработало. Проверили ещё раз — снова сработало. На другой день выкатили двуствольную пушку на задние ворота цеха, за задними воротами вдали — Лысая гора. Готовые пушки испытывали стрельбой болванками в гору. Коля Балунин с одной стороны, Чебукин Евгений с другой взвели испытуемое орудие, нажали на спуск. Сработала, но не стрельнула. Надо взвести пушку повторно вручную. Чтобы это сделать, надо «кривое ружьё» надеть на рычаг, затем взвести спусковое устройство. Счастье, что не успели Коля и Евгений «кривое ружьё» на рычаг поставить, разрезало бы обоих пополам. Всё начальство, присутствовавшее при испытании, после непроизвольного выстрела оцепенело. Приняли решение: при испытании,

Токарь выточил ролик точно по эскизу. Надели на рычаг пушки, взвели пружину, надавили на спусковой рычаг — сработало, село на шептало. Конструктор сказал, что случайно. Пашутин, начальник цеха № 15, в котором осуществляли испытательную сборку нового изделия, сказал: «Давай ещё раз попробуем». Попробовали — не сработало. На завтра, в выходной, вышли на работу.

после нажатия на спуск, ждать пятнадцать минут, если не будет выстрела. По происшедшему случаю написали прокламацию на завод — изготовитель снарядов и отправили телеграммой.

Двуствольная пушка прошла испытания, была зачехлена и отправлена заказчику. Конструкторам выдали государственную премию двадцать пять тысяч рублей. Начальника конструкторского бюро премировали в раз-мере пятнадцати тысяч рублей, конструктор Лялин полу-чил десять тысяч рублей. А Чебукин и рабочие, участво-вавшие в этом процессе, оказались ни при чём.

В седьмом цехе внедрили мерное фрезерование. Мо-лодые фрезеровщики работу освоили быстро. Но ребят забрали на фронт. Работать некому. План цеха срыва-ется. Кашарский вызвал Чебукина, сказал: «Давай, Че-букин, иди, помоги сделать работу». Чебукин ответил: «Я делать сам не буду, а молодых научу». Как только Ка-шарский его не уговаривал, даже запугивал, Евгений не согласился сам делать работу. Вышел из кабинета. Не успел пройти он несколько шагов, как догнал его началь-ник цеха Пашутин и говорит: «Согласись, сделай эти де-тали, а то меня с должности снимут». Начальник — му-жик хороший. Согласился Чебукин. Пришёл в седьмой цех. Там куча недоделанных деталей. Молодые фрезе-ровщики включают на станке максимальные обороты: в технологии написано — скоростное фрезерование, зна-чит, в понятии ребят скоростное — максимальное. А по-дача станка работает на медленных значениях. Искры ле-тят во все стороны, скрип по всему цеху. Ощущение, что плачет станок на все голоса, просит: «Пощади!» Евгений остановил одного фрезеровщика, встал к станку сам. На-строил оборудование на нужные параметры, зажал заго-товку, работа пошла. К концу рабочей смены заготовки закончились. Евгений подошёл к начальнику ПДБ: «Я всё сделал, давай заготовки ещё». Начальник удивлённо от-ветил, что заготовок больше нет и что он на три месяца вперёд сработал.

Как Евгений Чебукин стал Чубукиным

Восьмого ноября 1944 года Евгению Чебукину исполнилось восемнадцать лет. Пришло время сменить свидетельство о рождении на паспорт. Пришёл Чебукин в отделение милиции, где выдают паспорта. А там очередь — края не видно. Выдали ему номерок. Стал ждать. Двое суток ждал. Приходил после работы, сидел до закрытия. На вторые сутки перед закрытием паспортного стола наконец-то удалось получить документ. Пришёл домой, решил посмотреть новенький паспорт. И тут заметил, что фамилия написана с ошибкой. Вместо «Чебукин» написано «Чубукин». Букву «е» перепутали с «у». На следующий день вернулся в паспортный отдел. Сказал о найденной ошибке. Услышал ответ: «Занимайте очередь, поменяем». Снова в очередь на двое суток Евгений не встал. Так с этого времени появился человек с новой фамилией — Чубукин.

Продолжение следует